

Александр Грарк

**Моя
мечта – Марс**

Избранное

Александр Грарк

Моя мечта – Марс. Избранное

«Издательские решения»

Грарк А.

Моя мечта – Марс. Избранное / А. Грарк — «Издательские решения»,

В рассказах Александра Грарка причудливо сочетаются фантастическое и предельно земное. И они не только дополняют, но как бы проверяют друг друга: так ли просто земное и так ли фантастично фантастическое. При этом автор остается верен иронично-шутливой манере повествования.

Содержание

Юмористические рассказы	6
Задорнов не прав	6
Ходоки	9
Обычная вечеринка	14
Сказка для Ксюши	16
Поэтическая война	18
Рыжая ситуация	20
Красота правит миром	22
Клятва Гиппократа	25
Безвыходных ситуаций не бывает	28
Из жизни Сенчева	29
Не носите мобильник с собой	31
Неожиданный Жуков	33
Вы Онищенко знаете?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Моя мечта – Марс
Избранное
Александр Грарк

© Александр Грарк, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Юмористические рассказы

Задорнов не прав

Дед Максим поглядел на меня прищуренным взглядом и сказал:

– Ты, конечно, хочешь, чтобы я рассказал тебе про свою амурную жизнь?

У меня глаза на лоб полезли.

– Ты что, дедуль, ничего такого я не говорил и не просил!

Нужно сказать, что про моего деда вся деревня плела такое, что впрямь было бы интересно узнать, что здесь правда, а что вымысел досужих бабок, грызущих семечки на скамейках у порога каждого дома. Но сам я боялся задавать всякие взрослые вопросы, считал это несколько аморальным. Мало ли что когда-то здесь происходило, дедушке скоро восемьдесят, мог и пошкодить малость!

– Знаешь, внучек, – дед задумчиво глядел на высокие березы на другом берегу пруда, ветки которых раскачивались под напором ветра, – я ведь попал сюда сразу после Отечественной. Это сейчас деревня прилично выглядит, а в 1945 году стояли одни развалины, хозяйство запущено, пару стариков и табун молодаек я встретил по дороге домой. Девчонки поразили меня своей веселостью... Война только закончилась, горе кругом, а они не унывали, за все брались и потихоньку деревня преображалась. В городе я никого из родни не встретил, судьба всех разбросала: кто под бомбежкой погиб, кто пропал при эвакуации, а кто переехал в столицу на заработки. Никого из родни... Не долго думая, также пешком вернулся я сюда, да так здесь и прожил всю свою жизнь.

Мы сидели в палисаднике у дедова дома, на столе стоял старинный медный самовар, сильно потускневший от времени. Кипяток булькал в стакан, на треть заполненный заваркой черного цейлонского чая. Не торопясь, мы пили с вишневым вареньем этот чай, и я слушал воспоминания деда Максима. Начинало вечереть, небо было ясным, без облаков, солнце садилось где-то там, за холмом в конце деревни. Верхушки берез за прудом освещались последними лучами остывающего солнца, и уже чувствовалось скорое приближение печальной осенней поры.

– Так вот я и говорю, – продолжал между тем мой дедуля, – вернулся я сюда и вместе с жителями начал работать, приводя хозяйство в образцовый порядок. Кое-кто еще с фронтов явился, кто с увечьем, кто нормальный. То есть мужиков у нас подобралось немало. Но бабья команда, конечно, была значительно обширней, много было женщин! А ведь они какие? Им в первую очередь прирост населения обеспечить надо, поэтому и происходили в деревне всякие происшествия эротического характера. Ты уже парень взрослый и понимать должен, что любая женщина по-своему красива и каждая ищет себе лучшего на ее взгляд мужчину для полноценного продолжения рода. Но их-то красивых в том далеком году оказалось в четыре раза больше нас, самых обыкновенных прокуренных махоркой парней, причем самого разного возраста. Первая моя подружка – пышногрудая Валюха Синюкова – понравилась мне в первый же день, когда мы толпой после работы в поле купаться в пруд полезли. Она неожиданно стянула через голову лифчик и плескалась рядом без него. Остальные бабы хохотали, а у меня мозги набекрень пошли. И сразу после того купанья у нее остался, завели свое хозяйство, и неплохо, надо сказать, сначала жили, но всего два года. Детей у нас не получилось, и как-то я стал присматриваться к другим девахам. Парень я тогда был видный, крепкий, женское поголовье на меня всегда заглядывалось. И сам я из-за этого считал, что смогу любую завлечь. И если у той ухажер был, то за себя всегда мог постоять.

Я по-новому взглянул на своего деда. Не сказал бы, что статью он особенно отличался, да и рост не шибко за полтора метра вышел. И тот же нос слегка картошкой... Но он продолжал, как ни в чем не бывало:

– Короче, однажды ночью, когда Валюха крепко спала, я сбежал из дома к соседской Глашке. Муж у той в город по каким-то делам смотался, а я давно такой случай ждал, залез через окно и в кровать под одеяло как к себе и нырнул. Глаша спросонок не разобралась, не отказала, но утром обе мои бабы устроили мне приличный скандалчик. Валька сразу заявила, что я должен выбирать одну, а Глашка почему-то ничего не сказала, только принялась порванное в потасовке платье зашивать. И я ее выбрал, зря что ли момента полгода ждал! Мне даже не пришлось сильно с Тарасом ссориться, когда он из города вернулся. Оказалось, что у них с моей Валюхой давно уже что-то наклевывалось, так что он мне даже руку пожал:

– Теперь ты с ней помучайся!

Конечно, я слегка озадачен был таким конкретным предупреждением, но дело сделано, стал я жить с Глашей и ихним сыночком Саней. В постели Глаша была зверь, а не женщина, за что я ее сначала очень даже уважал, но через пару месяцев моя уважалка увяла и, удивленная таким обстоятельством Глаша, не постеснялась выгнать меня из дома посреди ночи. До утра просидел я на крылечке, но утром проснувшись гражданская жена сурово поинтересовалась, что я здесь, собственно, забыл? И поскольку действительно моего в этом доме оставалось очень мало, даже Саня был чужой, побрел я вдоль деревни, поглядывая на окна, ожидая, что кто-то вспомнит про меня что-нибудь хорошее и пригласит на утренний стакан молока с хлебом. Естественно, что я не остался одиноким, уже к вечеру, прослышав про случившееся, до меня стали домогаться три женщины. Не сказать, конечно, что все трое обладали изящными фигурами – это все-таки деревня была – но выбрать нашлось кого: продавщица Маша Гришина с нашей продуктовой палатки показалась мне лучшей парой. Неважно, что мужиков она меняла часто, зато в доме всегда свежие мясные изделия имелись. Отъедаться, правда, мне пришлось недолго. Характер у Машки был сложный, любила порядок дома и требовала большой объем работы от меня, причем на всех фронтах. После троих ее детишек мусору за день набиралось достаточно, а я, наработавшись на ферме, к вечеру еле таскал ноги и уборщик был неважный. А, учитывая, что сил не было также и для изготовления четвертого ребеночка, ожидал я и здесь скорого развода и ночного отдыха на крылечке при свете луны. Не понимал я Машку, зачем ей столько наследников – по одному от каждого жившего с ней мужика! Почти год не понимал, пока она не нагуляла очередного мальчика на стороне. Вновь мне пришлось перебираться в другой дом, к тихой красавице Нюшке. Не знаю, что она во мне нашла, но сама привела меня с пруда, где я беспечно следил за поплавками единственного в деревне рыболова – убогого Васятки Лымарева. В нашем пруду рыбы не водилось никогда, но Васятка не терял надежды когда-нибудь одну поймать. Здесь-то Нюша Горунова меня и отыскала, привела домой, отмыла и спать положила. А через полгода стал я отцом. Вот такие-то дела... – закончил повествование дед, причем я заметил, что глаза у него стали совсем сонные. Я отвел дедулю в дом, помог лечь в постель и пошел собираться домой, до города на «Жигуленке» добраться мне было не долго.

На нашем месте в слабом свете луны сидела моя бабуля, вернувшаяся от соседки.

– Хорошо, баб Нюш, что ты пришла, мне пора ехать, а деда боязно одного оставлять...

– Да я давно вернулась! – ответила бабуля, улыбаясь. – У плетня стояла за вами и слушала, что за лапшу Максим тебе на уши вешает.

– Как? Он мне не правду рассказал?

– Главного он, точно, не сказал: то, что он в деревне самый первый фантазер! Куда убогому Васятке до него! С войны Максим пришел контуженный куда-то там пониже спины, поэтому детей своих так и не завел... Кто с фронта пришел, у каждого проблемы со здоровьем были. Мы, бабы, это понимали и по-своему жалели их.

– А дети? Мой отец, например?...

– Теперь-то тебе все можно знать, скоро сам отцом станешь. Был в то время у нас приезжий американец, привез сельскохозяйственную технику, обучал мужиков работать на ней. Задорнов, юморист наш, не совсем прав: может быть американцы и тупые, но в деле размножения толк знают. Румяным был этот Джон, красивый в военной ихней форме. Вот все бабы за неимением своих нормальных самцов от него тогда и рожали. Кстати, ясные голубые глаза у тебя очень уж американские! И румянец... А что касается деревенских женщин, то они выбрали Максима для пересудов только из-за того, что с самого начала он был первым вруном в округе. Что ни расскажет, сам же в это через час поверит!

Ходоки

Был прекрасный теплый вечер, поэтому за столом во дворе среди вновь построенных многоэтажек собрались трое приличного возраста мужчин. Они в очередной раз обмывали новоселье, причем кроме водки ничего не пили. Беседа текла неторопливо, как полноводная река, они обсудили последние приобретения для своих квартир, соседей с других домов, их жен, а также маленькую псину, вертевшуюся под ногами и выпрашивающую какую-нибудь еду. Псина была безродная, пестро-серая, как деревенская курица, никто не знал, откуда она сюда забрела и сколько времени собирается здесь околачиваться. Но собеседники уже достаточно поднабрались, чтобы испытывать какую-то неприязнь к постороннему существу, просто не обращали на него внимания, к тому же на столе еще оставалось, чем побаловать собачку.

– Да! Жизнь прошла не зря! – мечтательно проговорил Дмитрий Булыкин, потянувшись. Он первым поселился на втором этаже дома №15 по Молодежной улице. – Мы с женой уж думали, что так и помрем в своей пятидесятилетней хрущевке. Ан нет! После смерти тещи с тестем всего пятнадцать годков мы в ней прожили.

– Смотрите, мужики, какой сегодня день замечательный! – прекратил жилищные разговоры Федот Захаров, указывая пальцем на тускнеющее солнце. – Так и хочется новых приключений!

Третий член компании приложил голову на стол и уже придремал, издавая тонкий свист носом. Булыкин и Захаров внимательно посмотрели на него и сошлись во мнении, что слабоват оказался Коля Незнайкин на питье любимого напитка.

Здесь Дмитрий задумался и уточнил у Захарова:

– Ты какие приключения имел в виду?

– Да это я так, шучу. По молодости все приключения ищут, особенно с чужой бабой на стороне...

– А, ты об этом, – понял Булыкин и глаза его заблестели, – мне тоже есть о чем вспомнить, Федя. Такое ведь не забывается!

– Может, расскажешь? – заинтересовался Захаров.

– Дашь на дашь! Сначала я, затем ты. Идет? – и после молчаливого согласия соседа Булыкин рассказал свою историю.

– Мы жили на окраине, откуда частенько под опорами МКАД я добирался до одной деревушки – сейчас она превратилась в благоустроенный поселок – и покупал на семью свежее молоко. Дом, где мне молоко продавали, принадлежал приятной веселой женщине, весьма интеллигентной на вид, муж у которой умер от какой-то болезни, вновь выйти замуж ей как-то не сподобилось и растила одна сына и дочь. Когда я стал заглядывать к ней за молоком, Полина встречалась уже с одним отморозком, но его на десять лет как раз перед этим упекли в колонию. Короче, однажды при очередном прибытии за товаром я пошутил с хозяйкой дома, что такой пригожей женщине не положено спать одной в холодной постели. Слегка улыбнувшись своими полными губами, Полина ответила весьма недвусмысленно, покосившись на детей, завтракающих в этот момент за столом:

– А с кем спать-то прикажете? Не с вами ли?

– Кто бы был против! – ответил я, в шутку показывая, как закручиваю мушкетерские усы.

– Да хватит над бедной вдовой издеваться! – насмешливо ответила Полина. – Вас жена не отпустит... Впрочем, это ваша проблема, но после десяти мои дети спят крепким сном.

Сердце мое заколотилось, захотел я Полину невозможно как! Дома получилось как нельзя лучше: жену послали в командировку на семинар научных работников в бывший Ленинград на целую неделю. Детей у нас тогда еще не было и, естественно, я решил вечером наве-

стить Полину. Дело было к осени, погода стояла мокрая. Пока я добрался к знакомому дому – вся обувь намочла.

– Я считала, что вы пошутили! – улыбнулась хозяйка, открывая дверь.

Дети действительно спали и Полина, положив мои ботинки на батарею местного отопления, не долго думая, постелила постель. И все, наверное, у нас получилось бы идеально, однако, как только я прилег в койку, в окно громко постучали. Полина вскочила со словами:

– Кто это может быть? Клянусь, никого не ждала!

Она выглянула в окно, отдернув краешек занавески, и тихо вскрикнула. Мне даже стало нехорошо и расхотелось заниматься мужским делом. А Полина подбежала к койке и сообщила:

– Мой хахаль объявился! Тикать вам надо, он жизни лишит и не моргнет глазом...

И тут я запаниковал! Из-за мимолетного желания помирить мне не хотелось. За пару секунд я оделся, но обуваться было уже поздно. Через окно в чулане я вылез в темноту деревни и босиком по холодной и мокрой земле помчался в столицу. Весь в грязи ворвался в подъезд нашей «хрущевки», до смерти испугав молодую парочку с первого этажа. Слава богу, что они меня не узнали!

С тех самых пор я не хожу налево от жены. Какое-то время было жалко новые ботинки, которые остались на батарее у Полины. Даже не знаю, какое объяснение она придумала насчет этой обуви для своего ухажера. И не узнаю никогда, потому что за молоком с того неудачного вечера я ходил только в ближайший магазин, не доходя до МКАДа.

Булыкин замолчал, вновь переживая случившееся когда-то событие. Захаров тоже молчал, но, похоже, уже приготовился рассказать свою историю. В это момент посвистывающий носом Незнайкин открыл глаза и заинтересованно произнес:

– У меня по этой теме тоже есть что рассказать.

– Ты, видать, не спал, Колюха? – удивился Захаров.

– Да разве под ваши непристойные разговоры уснешь? – невинно спросил Незнайкин.

– Тогда валяй-рассказывай! – разрешил Дмитрий.

– История, в общем-то, не со мной произошла, но на моих глазах. Попал я когда-то в санаторий «Красные горки», меня направили после того, как я уже отлежал в областной больнице с месяц. Ну, знаете, к ним – невропатологам как попадешь, так не знаешь, когда домой вернешься. Могут и до смерти залечить. Мой лечащий врач сообщила мне, что организму моему требуется дополнительное реабилитационное лечение, а такое лечение возможно только в санатории узкого профиля. И она рада, что нашлась бесплатная путевка именно для меня. Сам я не был в восторге, но жена моя тоже настаивала продолжить лечебный курс.

– Может быть, не так вести себя будешь дома, подобреешь! – предположила она и этим меня сильно огорчила. Конечно, работа нервная, трудная, за день так устанешь, что иногда пошумишь на домочадцев, сына за двойку поругаешь, жену – за холодное пюре и чай. Тоже мне, нашла злобного героя!

Короче, прямо из больницы меня на скорой помощи отправили в санаторий. Протрясся я полтора-два километра и прибыл туда весь разбитый. Мне повезло, что в тот день почти все уже заехали, и процедура оформления оказалась очень быстрой. Когда я вошел в двухместную палату, оформленную в виде гостиничного номера – умывальник, унитаз, ванная в отдельной комнате – сразу встретил своего соседа Ивана Рыбина. Познакомились, он мне порядки все рассказал: что, где, куда, когда... Хороший парень оказался Иван, моего почтенного возраста – ему до полста лет три месяца оставалось, а мне уже стукнуло. Росточка Иван был небольшого – не сильно за полтора метра. Подружились мы, часто беседовали на свободные темы, обсуждали политику партии и государства. Люди, конечно, все разные, но сильного отличия от других у Ивана я не заметил. Но это сначала. Потом уже, через неделю, Иван мне сказал:

– Меня друг собирается навестить в субботу, мы с ним много вина выпили, вместе два десятка лет проработали. Говорит, что приедет с подарком.

Подумав, что его друг – алкаш, я сразу возразил:

– Ты, Ваня, знаешь, что законы в санатории строгие, выгонят, если нарушим режим. Да еще на работу сообщат. Вот вылечишься – тогда пей какие угодно подарки.

На этот упрек Иван среагировал как-то странно. Он высказался в том духе, что давно соскучился по женскому телу, жена его прогнала и хорошо, что в этом же доме он прикупил однушку, а то бы и ночевать негде было. Правда, раньше он мне рассказывал, что у него на работе есть три женщины – секретарша, бухгалтер и экономист – и вроде бы со всеми он переспал:

– Хорошие девки, тебе скажу! Любая по моей просьбе на работе со мной задержится. Веселые, не то, что жена у меня – по каждому поводу устраивает концерты.

Иван продолжил про своего друга и про его подарок:

– Ты тоже ведь здесь находишься на голодном пайке, так что я другу заказал и для тебя бабу.

Я чуть в кровати не подпрыгнул!

– А санаторный режим? – попробовал я отговорить Ивана. – Да и как ты женщин внутрь проведешь? Учти, мне никого не нужно!

Иван снисходительно на меня глянул и сказал:

– Мой дружбан привезет таких, что не откажешься...

Я был в панике и в таком состоянии ждал субботы. Наконец, она наступила, а примерно в шесть вечера крепкий хорошо одетый мужчина вместе с Иваном привели с улицы в нашу палату двух невзрачных женщин, а также принесли большую сумку с гостинцами. Достали большие бутылки с темным напитком, назвав его коньяком, и разного закусона. Коньяка было литра три. Я сразу придумал несколько причин, чтобы не участвовать в этом разврате, но Иван с Вячеславом меня не отпустили. Пришлось немного пригубить дерьмовый левый коньяк, для вида еще и закусить. Не обижать же соседа. Женщины оказались очень веселые – уж не те ли, которые с Ивановской конторы? – ужаснулся я. Видно было, что эти точно выполняют любую просьбу. Побыв с нами с часик, Вячеслав откланялся:

– Развлекайтесь, а мне пора домой. Ехать еще долго, да по темноте...

Остались мы четверо. Иван на ухо мне прошептал:

– Моя та, которая у окна.

Я чисто механически сравнил. Если уж выбирать из этих, то у окна была поинтересней. Я ничего не ответил, а Иван продолжал накачивать женщин «коньяком». Он был очень оживлен и то и дело подмигивал мне. Поскольку обе гостьи поняли, что я интереса к ним не испытываю, они полностью переключились на моего соседа. А он решил отвезти их домой на своей машине.

– Вань! Одумайся, ты же прилично на грудь принял...

Предупреждение не помогло, троица собралась, забрали оставшуюся еду и спиртное и пошли на выход. Были уже глубокие сумерки. Я в окно наблюдал, как Иван посадил дам в машину и не спеша выехал с территории санатория. Только теперь я успокоился и лег спать соответственно распорядку дня лечебного заведения. Сосед вернулся под утро очень возбужденный, с ходу начал было рассказывать, как он обоих удовлетворял, причем очень подробно. Я отмахнулся от него и опять заснул. Утром Иван не встал к завтраку, что говорило о его действительной усталости. И до сих пор вспоминая этот эпизод в своей жизни, я не могу не поражаться небывалой энергии невысокого щупленького Ивана, с которым познакомился в тот далекий год. Когда я недавно – в конце декабря – позвонил ему и поздравил с наступающим Новым годом, он очень мне обрадовался, сообщил, что благополучно излечился после той групповухи и неожиданно для себя самого сошелся с женой, причем налево его больше не тянет.

Федот Захаров задумчиво дослушал исповедь Незнайкина и перешел к своему монологу:

– А у меня вышло все совсем по другому. Когда мне исполнилось пятьдесят лет, попала мне на глаза заметка в прессе про кризис среднего возраста. И там всякие примеры, как у мужи-

ков в такие годы происходит повышенное влечение к лицам противоположного пола, которое доводит некоторых до ухода из семьи, разводам, убийствам из-за ревности и тому подобное. Приводились в пример фамилии известных лиц из научной среды, от искусства, шоу-бизнеса. Почитал я и задумался, а почему это меня на такое не тянет? Потом догадался: да потому, что я еще холостой! Меня мама долго при себе держала, не подпускала ко мне никаких женщин, расстраивала все мои попытки начать самостоятельную жизнь мужчины. Когда она умерла, я по инерции долго не мог сближаться с женщинами, нормально жил один, как будто так и надо. А после этой статьи я быстренько познакомился с давней разведенкой, жившей неподалеку, мы с ней поженились, родили близнецов Машу и Пашу, а затем, занимаясь хозяйственными делами, я одновременно ждал, когда ко мне придет этот заинтриговавший меня кризис. Ну не мужик я что ли? Положено прийти кризису? Ну и приходи! А он не приходит год, не приходит два... Я стал немного расстраиваться, получается, что со мною не все благополучно! Даже моя супруга Зина заметила мои страдания и стала расспрашивать, что со мной? Конечно, я ей не стал говорить о причине, это же сугубо мужское дело... Она долго не унималась, не верила, что я – в порядке. Даже в моих вещах рылась, номера телефонов в мобильнике проверяла, у коллег по работе интересовалась. Потом, наконец, успокоилась. И вот, по прошествии еще нескольких месяцев у меня началось! А все из-за телефонного звонка не по адресу. Ну, это когда тебе звонят, а оказывается, что совсем не тебе хотели звонить. Ошиблись, значит. Голос был женский, очень приятный. «Вова! Это ты?» – спросили этим приятным голосом. Я извинился, сказал, что я не Вова, а Федя. Трубку сразу положили, но голос во мне остался. Целый день я думал, что мне с этим голосом делать. Ночь не спал. Кризис что ли начинается? На следующий день не выдержал и по этому номеру, сохраненному в мобильнике, позвонил и глупо так поинтересовался:

– Добрый день! Это вчерашний Федя звонит, не могу я Вову заменить?

Голос, который я сразу узнал, похоже, мне обрадовался:

– Вам тоже хорошего дня! Разумеется, Вову вы заменить не сможете, но почему бы вам тоже не побыть со мной? Как вы думаете?

Я хотел ответить, что ничего по этому поводу не думаю, но вовремя остановился. Вдруг у женщины с приятным голосом сложится обо мне неверное представление, например, что я сильно тупой. Еще раз вспомнив о кризисе, я согласился:

– Побывать я не против, только, извините, не знаю, где именно побывать...

– Как где? – немного удивилась она. – Со мной, конечно!

– А где тогда будет Вова? – не утерпел я.

– Не волнуйтесь, Вовы не будет...

– Так мне куда-нибудь прийти?

– Да!

– А куда именно? – растерялся я, понимая, что процесс пошел, дело налаживается. Но это дело было для меня новым, поэтому непонятным.

– Приходите сегодня ко мне домой, сразу после шести часов вечера, – и женщина назвала адрес дома, по счастливой случайности находящегося на параллельной улице. После этого она положила трубку.

Хорошо, что я один сидел в кабинете, остальные были в разъездах, а то они долго были бы удивлены, какой у меня в то день был удрученный вид. Позвонил домой, но с женой связаться не удалось. Теща сообщила, что дома только Маша и Паша, а Света по какому-то поводу пропустит еще не меньше пары часов у подружки. Мобильник она забыла дома, можно не звонить.

Рабочий день заканчивался. Если потихоньку поехать, то как раз после шести вечера попаду к незнакомке. И все ей выскажу про кризис среднего возраста. Короче, вы не поверите, но в тот день все получилось, как в ученой заметке: свидание, исполнение желаний с изменой супружескому долгу и возвращение с виноватым видом домой.

Немного утешило, что Зинаида пока не вернулась от подруги, и какое-то время у меня было на обдумывание моего безобразного поступка. Я сидел и вспоминал события на параллельной улице: как все это случилось. Потом пришла жена и спросила, что я такой понурый. Я промолчал. Она вынула из халата мою записку и сказала:

– Это надо же, зачитал до дыр!

Я виновато молчал. Она продолжила:

– Надеюсь, теперь ты успокоишься! – и ушла к детям. Я поспешил за ней и спросил, что она имеет в виду.

– Кризис, что же еще? – Зина показала на наших спящих детей. – Разве от них можно уйти?

– Я и не собирался!

И здесь жена мне все выложила:

– Зная тебя и найдя эту злосчастную статью, я сразу поняла, что тебе не хватает. И все организовала.

– Что организовала? – удивился я.

– Я ведь уверяла Катюху, что ты ни о чем не догадаешься, а она не верила. По известному тебе адресу ты переспал со мной.

У меня как будто камень с души свалился. То-то в той квартире было темно, и меня водили за руку, сообщив, что электричество за долги отключили. И молчаливая женщина, которую я обнимал, кого-то мне напоминала... До меня дошло! И я воскликнул:

– Зина! Ты – прелесть! И я люблю тебя и наших детей! Мне больше никто не нужен! Ты меня простишь?

– А как ты думаешь? – спросила она и полезла целоваться.

Немного мужики посидели молча. Хмель потихоньку весь выпарился. Все истории были рассказаны и они заторопились домой к своим женам.

Обычная вечеринка

Компания собралась довольно крутая. Иванов возглавлял ЗАО «Земельные ресурсы» (капитал более 70 млн. зеленых), Дружников руководил ЗАО «Банковские резервы» (капитал не поддавался исчислению), Керосинов управлял ЗАО «Астраханская таранка» (капитал 100 млн.), ну и так далее. Причиной гулянки объявили оригинальную: сто дней до Нового года. Не все же такое отмечают, а вот наши герои решили начать такую традицию. Все друг друга хорошо знали, кто по школьной парте, кто по соседним гаражам, кто по общему парикмахеру, а кто и того проще – по общей женщине. Но афишировать, конечно, такое не принято, пикантные вопросы сохранялись в тайне. К тому же с представителями бизнеса в снятом заранее шикарном ресторане «Золотой паучок» находились их благоверные жены. Естественно, что бизнесмены от своих жен были без ума, а их жены притворялись в том же, хотя в тайне каждая знала любовниц своего мужа и имела хорошую замену своему супругу на стороне. Ну, обычная компания в наше волосатое время!

Вести застолье ни в коем случае попросили Ивана Дружникова. По двум причинам:

– сильно он любил это занятие – больше даже, чем свою работу,

– к нему первому обращались все остальные присутствующие в затруднительных финансовых вопросах.

Уже через час веселье было не то, что в разгаре, а, можно сказать, в огненном водовороте! Играла музыка, танцевали пары, по углам пьяными голосами вспоминали прошлые отношения бывшие школьные товарищи. Объединенный стол ломился от постоянно обновляемых яств, к нему то и дело присаживались по двое, по трое, а то и в одиночку воротили местного бизнеса, иногда приглашая с собой осовевшую и отбившуюся от своего супруга женщину. Пригласить здесь было кого. Некрасивых жен наши крутые мужчины просто не водили. Все были как на подбор, хоть сейчас отправляй на показ мод в Париж, Рим или еще куда-нибудь.

Все бы было прекрасно, но в один момент Дружников, поманив перстом Керосинова к себе, нагнулся к нему и в самое ухо перегарно спросил:

– Слава! Дорогой мой! Не пойму я, почему твоя жена, как куколка, а у моей ноги кривые?

Керосинов даже испугался сначала. Ему всегда очень нравилась Женя Дружникова – черноокая красавица с грудным голосом. Он поискал взглядом обеих женщин в многоликой толпе танцующих и пришел к выводу, что Дружников был прав: ноги у Евгении действительно сильно подкачали... Но не терять же дружбу столь великого человека, поэтому Вячеслав быстро нашелся:

– Иван Палыч! На мой взгляд, ноги у твоей супруги стройнее некуда! И мне зря завидуешь, вот моя Наташа, к сожалению, слишком мала росточком, мне с ней на кровати не совсем комфортно. Я уже не говорю о том, что иногда теряю её там, такую маленькую. И в холодном поту вскакиваю искать!

Дружников тоже посмотрел на танцующих, заметил жену Керосинова и сменил свой суровый взгляд на более миролюбивый, причем заметил:

– Да, Слава! Извини, что я к тебе с какой-то глупой претензией... – и отошел от встревоженного короля астраханских таранок.

Вячеслав Керосинов немного расслабился после разговора, для чего присел добавить рюмашку коньяка, а потом задумался. С одной стороны, как старый приятель, Иван мог озадачить его сложным житейским вопросом. Но с другой стороны здесь можно и поспорить: вот у Валеры Золотницкого из «Вторчермета» вторая половина не уступает по внешности самой Джолли – что ноги, что руки, а губы-то вообще копия! И почему он один этим добром спокойно пользуется?

Керосинов прямым шагом устремился к Валерке, выдернул того из круга танцующих и в лоб задал этот самый вопрос. Золотницкий даже не стал задумываться, он прямо заявил Керосинову:

– А давай меняться! Твоя Наташка под мой рост сильно подходит, а ты мою Нинку забери, надоело мне ей перед этим самым делом любовные игры устраивать, прелюдии всякие. А по-другому она не может, видите ли! А на губы не смотри, она на них почти все мои доходы спускает, а хватает такой операции всего на полгода! Так что, идет?

Слава Керосинов растерялся. Какие-то любовные игры? Еще чего... Никаких прелюдий Наташка Славу не заставляла исполнять. Как говорится: раз-два – и в дамки! Пошатнувшись, он отошел от главного работника заправок. Тот мигом кинулся продолжать выплясывать в общей куче танцующих. Однако, через пяток минут Валера оттуда вынырнул, причем с весьма озадаченным видом. Вытащив из угла курящего Иванова, он потащил его к столу и, налив по штофу, заставил выпить, а затем вытаращил на него глаза, став допытываться:

– Послушай, Николай! Почему это твоя Регина выглядит в тысячу раз лучше моей Нинки? Я же ведь на неё никаких денег не жалею! Лучшие наряды покупаю, кофе -в постель, и все такое, а от твоей глаз оторвать не могу: стройная, ноги прямые, лицо, что у голливудской дивы, а запах...! – у Валеры слезы потекли от умиления.

– Так ты что? – спросил Иванов. – Не любишь что ли свою Нину?

– Ты это брось! – рассердился Золотницкий. – Как это не люблю? Не любил бы, столько денег не тратил бы!

– Тогда в чём дело? – стал допрашивать Золотницкого Николай. – Валера! Я тебя знаю с четвертого класса, когда мы еще вдвоем Мартышку сзади щипали. Помнишь Мартышку? Надо же было влюбиться в такую толстую корову-второгодницу!

– Мне сейчас дурно станет, – заявил Золотницкий, – давай хоть о корове забудем!

– Давай! – сразу согласился Иванов. – Ты мне тогда скажи, что в моей Регине такого разглядел, что даже прослезился? И первый раз ведь увидел! Я-то с ней пятый год, трех детишек настрогали, но она, как ненормальная, еще столько же задумала родить! Ты, Валера, хочешь каждый год по ребеночку?

Тут до Золотницкого что-то дошло, и он отпустил Николая, которого до этого цепко держал под локоть. К Иванову сразу подошла жена и ласково повела из ресторана на улицу, где уже поджидало такси.

– Дорогой! – авторитетно проворковала Регина. – Мы уже опаздываем на дело, садись в машину!

– На какое такое дело мы с тобой опаздываем, дорогая? – недоуменно спросил Иванов, но в такси сел безропотно.

– На такое! – повысила голос его красotka. – Ты, видимо, забыл, что четвертый у нас пока еще не получается! Скорее в койку, дорогуша!

Дружников поискал глазами и не досчитался одной пары. Все уже сидели за столом и наливали по новому заходу. Иван Дружников взял свой бокал, поднялся и произнес:

– А теперь я хочу выпить за наших таких разных, но исключительно красивых и милых жен!

Сказка для Ксюши

Однажды в холодный сумрачный день Ксюша сидела одна дома и ждала папу с мамой из гостей. Они вынуждены были уйти в гости к соседям по этажу, к этим шумным Ивакиным, которых Ксюша терпеть не могла. А не могла она их терпеть по той простой причине, что тетя Наташа Ивакина при встречах всегда сует ей невкусные конфеты, а дядя Петя Ивакин грубо хватается Ксюшу на руки и целует в обе щеки слюнявыми губами. Вот почему Ксюша и осталась дома, хотя ей всего четыре с половиной годика, и мама с папой не хотели ее оставлять, но в то же время они не хотели обидеть Ивакиных – папа начал жить вместе с ними на одном этаже уже двадцати лет назад, тогда Ксюши еще и в проекте не было. И даже Ксюшиной мамы в папином проекте тоже не было. Ксюша все это понимала и отпустила своих родителей, взяв с них слово, что они придут не позже десяти часов вечера. Ксюша была уже большая и довольно легко разбиралась со стрелками на часах, а также могла при случае позвонить по домашнему телефону.

Мама написала ручкой на листке бумаги крупные цифры соседского телефона и попросила дочку сразу позвонить, если что-то пойдет не так. Папа в это время завязывал галстук и оглядывал себя в зеркале в прихожей.

Ксюша на всякий случай уточнила:

– Мам, а что значит – пойдет не так?

– Пойдет не так, дочка, это когда ты столкнешься с чем-то неожиданным, с чем-то таким, что тебе будет в новинку, что ты ни разу не видела.

– Ага! – удовлетворенно кивнула Ксюша. – Значит, если к нам через дверь войдет белая пушистая киска, то это будет что-то не так?

Ксюшина мама на духу не могла выносить кошек. Мало того, что они царапали мебель, гадили не там, где их приучали, так еще от них у нее была страшная аллергия. И мама не поддерживала любовь своей дочки к этим неприятным животным. Кстати, собак она тоже терпеть не могла. Здесь интересы Ксюши сильно расходились с мамиными, поэтому мама сразу сказала:

– Ксюша! Не придумывай, пожалуйста! Никакие кошки ни через какую дверь сюда не войдут, мы тебя закроем на ключ. Телефон существует как раз для того, чтобы ты меня своевременно предупреждала про всяких призрачных кошек и собак. Я приду и наведу здесь порядок! Вернемся – папа расскажет тебе на ночь хорошую сказку.

Ксюша пригорюнилась. Даже помечтать эти родители не дают! Ну что это за жизнь?

Когда дверь за папой с мамой захлопнулась, Ксюша села против телевизора и стала смотреть мультфильм про Шрека. Шрек был забавный и очень влюбчивый. Ксюше тоже один мальчик в садике нравился, правда, он сильно смахивал на диснеевского Шрека своими растопыренными ушами, зато всегда мыл руки с мылом перед едой и один раз принес Ксюше маленькую красную розу перед 8 Марта. Роза была красивая, но на шипастой веточке и, улов три раза пальчики, Ксюша незаметно выбросила ее в форточку, а мальчику сказала, что розы не любит, и с тех пор цветы он приносил другой девочке, которая была очень страшная – страшнее паровозного дыма.

Когда мультфильм закончился, Ксюша стала смотреть на стрелки часов и удивилась, почему это они так медленно двигаются. Вот когда она летом с папой и мамой была в зоопарке, то там высоко подвешенные над проходом часы шли как угорелые. Ксюша не успела за два часа всех зверей посмотреть, а ее силком уволокли домой. Сейчас же каждое движение минутная стрелка делала с таким трудом, что казалась простуженной. Конечно, Ксюша знала, как залезть под стекло ближе к циферблату и пластиковой палочкой помочь стрелке двигаться, но это было бы нечестно по отношению к папе и маме, поэтому Ксюша от этой идеи отказалась.

Потом она стала смотреть из зала на входную дверь: а вдруг произойдет все-таки что-то не так и белая киска придет к ней в гости. И действительно, киска к ней пришла, хотя мама, похоже, этого очень не хотела. Она вальяжно проникла под дверь, мяукнула и стала играть с Ксюшей. Сначала ей хватило небольшого поглаживания по спинке, она присела и замурлыкала от удовольствия. А затем Ксюша нашла кусочек белой нитки, привязала клочок от красного листа бумаги и – понеслась потеха! Ксюша бегала из угла в угол по залу, а пушистая гостья прыгала за предполагаемой мышкой и иногда умудрялась поймать ее, пожевать для вида и снова выпустить, предлагая Ксюше продолжить игру.

В один прекрасный момент Ксюша проснулась от какого-то постороннего шума. Оказывается, вернулись ее родители. Папа сразу перенес дочку в свою постельку, и сквозь сон Ксюша слышала, как он продолжил разговор с мамой:

– Слава богу, ничего не случилось! Наша киска становится все старше и даже смогла остаться ненадолго дома одна. Теперь она уже спит, а я займусь другой кошечкой!

– Так мой котик не притворялся у соседей? – ласково спросила мама папу.

«Как странно, – подумала, окончательно засыпая, Ксюша, – кажется, мои родители за эти несколько часов отсутствия успели полюбить целую кошачью стаю...»

Поэтическая война

– Сынок! – позвала мама ребенка. – Ты уроки сделал?
– Да! – односложно ответил Васютка, с увлечением ковыряя в носу, сидя за своим столом с учебниками.

– Как у тебя с оценками? – продолжала допытываться мама. – Давненько мы с отцом твой дневник не смотрели, наверное, нацеплял неудов с двойками?

– Мама, да не гони, пожалуйста! Одну пару по пению только и схлопотал. Но я же не собираюсь в «Голосе» выступать! Меня эта Пелагея со старым козлом Градским совсем не клеят!

Мать пришла с кухни и склонилась над сыночком:

– Как ты выразился? Не клеят? Короче, тебя музыка и песни не увлекают?

– В точку, мам! – Вася держал на столе лист бумаги и карандашом пытался что-то изобразить. Лицо у него в этот момент было какое-то напряженное.

– Уж не писателем ли ты хочешь у нас стать? – удивленно спросила мама.

– Да не плохо бы! – ответил девятилетний сын. – А еще лучше поэтом.

– Почему поэтом лучше?

– Как почему? Писателю долго нужно писать, чтобы прославиться. А поэт несколько строчек зарифмовал и уже можно стихи печатать. У нас сейчас, мам, в классе война идет!

– Какая война? – сразу испугалась Васина мама, – Вы там деретесь, что ли?

И она стала осматривать лицо сына на предмет синяков, но ничего не обнаружила и успокоилась.

– Ты, ма, не понимаешь! У нас поэтическая война, это война не в драку, а по стихам. Кто больше слов срифмует, тот и выиграл.

– Ну-ка, ну-ка! – очень заинтересовалась мать. Когда-то она и сама кропала любовные стишки, но свет так их и не увидел – сначала стеснялась показать людям, а совсем повзрослев и собравшись замуж, она без сожаления выбросила все в мусорную корзину. – И ты в этой оригинальной войне участвуешь? Даже результаты есть? Покажи маме, я помогу поправить!

– Нет! – твердо ответил Вася. – У нас твердое правило: делать все самим, никаких подсказок! Мы по-честному в войну играем, а не понарошку. Ты нам с папой делай ужин, а мне еще долго работать нужно, ответ противнику сочинить. В голове уже начало вертится, правда, неожиданное...

Мама вновь пошла на кухню, удивляясь, как быстро растут дети и какие у них появляются диковинные увлечения.

Поздним вечером, когда Васятка уже спал, Мама решила проверить его портфель. И нашла три листка бумаги действительно с неожиданными стихами:

Маленький Витя поднял проводок,
Тот, что лежал на дороге.
Фыркнул внизу электрический ток,
Остались от Вити лишь ноги!

В форточку мальчик Андрюша пробрался
И сиганул из окошка.
Мешочек костей от него бы остался,
Не упади он на кошку!

Вовочка, будто военный пилот,
Вдруг сиганул с подоконника.
И до сих пор никто не поймет,
Где же лицо у покойника!

Ужас сковал все мышцы Васиной мамы. Вот это война! «Как бы и мой куда-нибудь не «сиганул», – подумала она, тихо собирая портфель обратно.

Рыжая ситуация

Огромный пылающий шар на небе жег отдыхающим спины, животы, ноги и другие части тела. Дружников скосил глаза на загорающую справа молодую рыжую соседку и неожиданно для себя самого спросил:

– Вы сегодня вечером не заняты?

Рыжая вздрогнула, подняла голову и, посмотрев на Дружникова, как ближайшего к ней человека, уточнила:

– Вы у меня спрашиваете?

– Ну! – коротко, но доходчиво ответил Дружников. Он немного стеснялся, так как в родном городе остались жена и трое ребятишек.

– Не занята, а что? – вызывающе сказала Рыжая.

Здесь Дружников не к месту вспомнил еще дочку Машу от первой жены, с которой он расстался полтора десятка лет назад, и ответил:

– Может, в кино вечером ходим?

– На «Кавказскую пленницу»? Здесь – в этом поселке – больше ничего не идет, но должна признаться, что этот фильм меня задолбал! – затем Рыжая легла вновь на песок и вызывающе повернулась к Дружникову спиной.

Поскольку командировка складывалась с определенными трудностями в оформлении технической документации и на несколько дней Дружникову все равно приходилось задерживаться, а кроме отвернувшейся от него Рыжей с ее конопатой спиной других объектов для развлечения не было заметно, он, немного помолчав, повысил голос и спросил:

– А если не в кино, то какие имеются другие предложения?

Соседка что-то пробурчала в песок.

– Не расслышал! – переспросил Дружников.

Рыжая перевернулась к нему передом и, мечтательно глядя в даль, сказала:

– Надраться вдрызг! До тех пор, пока не вывернет наизнанку...

Дружников не на шутку испугался. С ненормальными он дела иметь не хотел, поэтому быстро встал и стал собирать вещи с песка.

– Да я пошутила! – успокоила его Рыжая. – Меня Наташа звать, а тебя как?

Дружников посмотрел на нее внимательнее. Рыжая Наташа смотрелась здорово! Она появилась недавно, и обгорать еще не начала. Загар еще не проявился на ее молодом пышущем здоровьем теле, а тело было по параметрам близким к модельным. Да и на мордашку претензий не было, вылитая Анфиса Чехова пополам с Лерой Кудрявцевой.

– Артем я! – успокоился Дружников, протягивая руку во имя знакомства.

– Детей очень много наплодил, Артем? – поинтересовалась Наташа.

Дружников огляделся вокруг. Не смотря на хорошую погоду и теплое море в нескольких метрах от него, пляж выглядел уныло из-за небольшого количества отдыхающих. Пара человек барахталась в слабых волнах у берега, да еще с десятков лежали в разных позах, загорая.

– Много! – резко сказал Дружников. – Ты никак за меня замуж собираешься? Я не против, будешь третьей...

– Какой-то ты, Артем, нервный! – удивилась Наташа. – Я замуж уже пять раз собиралась, но так до финального конца и не добралась. Ты здесь, надеюсь, один?

– Да.

– Так я собираюсь?

– Надраться хочешь? Я много не выпью, – виновато сознался Артем, – у меня предынсультное состояние было... Бутылку пива если?

– Согласна, – стала одеваться и собирать вещи Рыжая, – тебе бутылку пива, а мне – водки. И посоревнуемся, кто быстрее выпьет. Если ты проиграешь, то будешь со мной до утра. Если не доставишь мне удовольствия, то пожалеешь, что на свет родился! Заметано?

– Заметано! – не совсем оживленно согласился Дружников. – А в каком месте придется доставлять удовольствие?

– А я здесь недалеко снимаю комнату, – сообщила Рыжая, играя призывным взглядом, – кондиционер имеется, соседи пока отсутствуют. Так что ты уж постарайся!

Дружников еще раз оглянулся, понимая, что на сей раз снимают его самого. Он уже представлял всю ситуацию: съемщица была не душой выпить, в холодной от кондера маленькой комнате предстоит действительно сильно стараться, чтобы не замерзнуть. Ему стало страшно, когда он подумал, что может не справиться с заданием. А ведь ему уже далеко не двадцать лет! Что она имела в виду, когда сказала: пожалеешь, что на свет родился? Артем шел рядом с высокой рыжей красавицей и пытался найти план спасения. Вид Наташи вызывал восхищение, но уже не вызывал желаний. И когда после магазина они вошли в прохладную Наташину комнату, где она сразу скинула в угол свои босоножки и стала ловко откупоривать бутылку «Путинки», Дружников зубами вскрыл крышку «Арсенальной», моментально высосал всю бутылку и со словами: «А я – первый!» открыл дверь и был таков!

Он шел по тихой жаркой улице поселка, с него лил пот, но он был очень доволен ситуацией. «Люсенька! – шептал Дружников. – Я тебе опять не изменил!».

Красота правит миром

Я могу часами смотреть на некоторые вещи и не казаться самому себе идиотом, притом, надеюсь, что со стороны тоже таким не выгляжу. Ведь многие подолгу разглядывают рыбок в аквариуме, восход и заход солнца и как волнуется море. Но когда мужчина средних лет, задрав голову, внимательно следит за девушкой на открытом балконе, которая, пользуясь безоблачной погодой, вышла позагорать и при этом разлеглась в шезлонге, закинув свои длинные ноги на перила балкона, – ну, что можно про такого человека подумать? С одной стороны, зрелище, конечно, неплохое, сам ее разглядываю в 50-кратный бинокль и наслаждаюсь формами, прекрасным лицом с приклеенной бумажкой на носу и жалею, что не имею специального оборудования для фотографирования красотки на память. А с другой стороны, мужик же не знает, что я давно запал на эту девицу – с тех самых пор, как она здесь поселилась, в доме напротив. Неважно, что я женат. Моя законная супруга – не первая по счету – сейчас находится на работе и до ее прихода, находясь в очередном отпуске, я могу любоваться на кого угодно, в том числе и на стройную девушку. Но вот этот незнакомый приятель, присохший к одному месту и то и дело попадающий в объектив моего оптического прибора, просто измотал нервную систему. Хорошо, что хоть заговорить с ней не пытается, а то тогда пришлось бы принимать превентивные меры до полного уничтожения соперника. И только я хотел тихо окликнуть наглого мужика, как девица сменила позу, но, видимо, не совсем удачно, потому что встала в полный рост, отодвинула шезлонг и неожиданно начала громко разговаривать. Я сразу не сообразил, с кем именно.

– Что это вы, козлы, – повторила Зинаида, имя которой мне стало известно на второй день после ее появления в здешних местах, – на меня уставились?

Я посмотрел по сторонам и кроме мужика под балконом никого не увидел.

– С чего это ты головой завертел, сосед? – поинтересовалась соседка напротив. – Женато, видать, еще на работе?

– Вы про мою жену? – притворился я девственником. – Да у меня ее и нет совсем! И зачем так некрасиво обзывать? Козлы какие-то! А вдруг я вам пригожусь?

Подбалконный незнакомец, наверное, насмотревшийся на молодое женское тело в достаточной мере, обернулся в мою сторону и быстро смотался в неизвестном направлении. Мне смотреть сразу было неловко, поэтому пришлось вступить в переговоры:

– Почему вы молчите, Зина? В чем вы меня обвиняете?

Та не отвечала, вытянувшись во весь рост под солнцем. Купальник был тоже привлекателен из-за небольшого количества потраченного на него материала.

– Откуда вы мое имя знаете? – вдруг спросила соседка, слегка убрав из голоса воинственность.

– Да мы здесь всегда всех знаем, – доверительно разъяснил я Зине, – а вы к тому же такая заметная личность!

– Чем же это заметная? – лениво поинтересовалась Зина, разглядывая легкие облака, наползающие на солнце.

– Как будто не знаете!

– Вы не видели меня при всем параде! А сейчас-то... – она махнула пренебрежительно рукой.

– Обижаете, Зина, видел я вас при всем параде, когда вы приехали в первый день, а ваши мальчишки вокруг суетились, таская мебель в квартиру. Они всегда так вас слушаются?

Красотка перевела на меня взгляд и спросила:

– В бинокль дашь поглазеть?

– Без вопросов! Когда нужно?

– Да хоть сейчас. Раз ты неженатый, то можем прокатиться на пляж и повеселиться немного...

У меня сердце ушло куда-то вниз. Нельзя было упускать шанс повеселиться с такой красоткой! Ведь всю оставшуюся жизнь буду жалеть... И я спросил дрогнувшим голосом:

– Так я выхожу?

– Естественно! Через полчаса встречаемся у моего «Ауди», – и она ушла с балкона. Ее черная немецкая машина сверкала недалеко на газоне.

Я взглянул на будильник, до возвращения жены оставалось еще не меньше пяти часов, день был будний, вполне возможно, что никто ничего не увидит и ей не доложит о моем рандеву. Несколько минут мне хватило, чтобы собраться, оставшееся время я потратил на всякие пришедшие в голову ослепительные картинки, где лучшая в моей жизни молодая дама проводит со мной время, развлекая себя и меня.

Натянув на нос большие противосолнечные очки и бросив в пакет свой иностранный бинокль, оказавшийся замечательной находкой, я покинул квартиру. «Ауди» уже был заведен и Зина насмешливо сказала через припущенное стекло:

– Хороший кавалер не заставляет женщину ждать!

– Кажется, мне удалось прийти на пять минут раньше установленного срока, вы несправедливы! – нагло заявил я, забираясь на переднее сидение с другой стороны.

– Ну-ну! – ответила прелесть здешних мест и резко рванула с места. Скажу прямо, что водила она неважно. Пока мы выбрались за город, нас трижды останавливали работники ДПС, которые как будто специально собрались на этом коротком отрезке в пару километров между городских домов. Обычно их редко встречают в городе, наш город маловат для такого количества дорожных полицейских. И самое интересное заключалось в том, что все они показались мне на одно лицо, как будто одни и те же люди спешили поглазеть на мою спутницу и поболтать с ней. Действительно, ее ни разу не упрекнули за нарушение каких-то пунктов Правил дорожного движения, а просто, остановив и приблизившись к машине, изучали лицо в натуре и на правах, козыряли Зине и мямлили что-то вроде:

– Девушка, осторожнее на поворотах!

На третий раз я, что называется, охренел и, поглядев на своего водителя, спросил:

– Что нужно такого сделать, чтобы гаишники так же ласково и со мной обращались?

Зина небрежно отмахнулась, успевая за рулем подкрасить губы и перемолвиться со мной незначительными фразами. Наконец мы выбрались из города и почти сразу попали на наш самодельный пляж из травы и мелкого песка. Две кабинки сиротливо ожидали наплыва купающихся, но их на было из-за довольно ветреной погоды и начала трудовых будней недели.

– Где бинокль? – спросила Зина, тормознув в начале спланированной под пляж территории.

Я залез в пластиковую сумку и достал уникальный прибор, который выписал через Интернет. Вскрыл упаковку и протянул бинокль Зине. Она осторожно взяла его из моих рук и, боясь выронить, крепко вцепилась в окуляры. Я вынужден был показать ей, как настраивать резкость при изменении расстояния до объекта и другие премудрости. Поняв, что к чему, Зина уверенно начала разглядывать окрестности: речку, лес за речкой, деревню у леса, проезжающие через недалекий мост автомобили.

– А знаешь, неплохой вид открывается! – восторженно проворковала она. – Тебе бинокль очень нужен?

– В каком смысле? – поинтересовался я.

– В прямом! Если ты мне его одолжишь на недельку, а мы с Игорьком попользуемся?

– Это еще с каким Игорьком? – удивился я.

– С моим мужем. Он сейчас в командировке находится, где-то в Африке, помогает коричневым алмазы добывать. На днях должен вернуться, вот мы с ним и осмотрим прилегающие к городу места.

– Как-то нечестно же, Зин! – взмолился я. – Мне, конечно, для тебе ничего не жалко, красивой женщине все отдашь, но... Что я с этого буду иметь?

– А что бы ты хотел? – рассеянно спросила красавица, разглядывая автозаправку, расположенную у дороги за километр от нас.

– Ну... – замялся я. – Даже не знаю...

Зина решительно положила бинокль мне на колени:

– Все ты знаешь! – резко сказала она. – Но я замужняя женщина и не позволю себе ничего лишнего! Ты не смотри, что кольца нет, я его принципиально не ношу, мне нравится, когда козлы-мужики вьются вокруг меня, словно пчелы у открытой банки с медом. Впрочем, если тебя устроит мой поцелуй в щечку, то будем считать, что сделка состоялась!

И чтобы она не успела передумать, я переложил бинокль уже ей на колени и нагнулся за обещанным поцелуем. Он последовал незамедлительно. После чего в полном молчании Зина отвезла меня домой и оставила у подъезда. И хотя отсутствовал я недолго, моя законная уже успела вынести мои вещи к лавочке. На одной сумке была приклеена бумажка с тем же самым популярным словом: «Козел!», а дальше добавлено: «Иди куда глаза глядят, я нашла тебе замену, как и ты мне!». Чтобы уладить все недоразумения, я поднялся на свой этаж и позвонил в квартиру. Сразу выглянул небольшого роста, но крепкий на вид китайчонок и спросил:

– К кому пришла?

– Домой я пришла! – заорал я. – Где моя жена?

– Была жена ваша, стала наша! – пояснил китайчонок и захлопнул дверь.

Вот жизнь! И прожили-то с ней всего полгода! Придется пятую супругу искать, сейчас разведенков много, авось кто-нибудь приютит, некоторые адреса у меня имеются. Собрал я с земли вещи, снял очки и пошел себе восвояси. Как раз мимо знакомой «Ауди». Поглядел наверх и вновь увидел молодое длинноногое тело, принимающее загар на своем балконе. Причем через мой бинокль Зина с удовольствием разглядывала приближающуюся темную грозючую тучу. Но для такой знойной женщины, как Зина, бинокля мне было не жалко! Как-нибудь обойдусь!

Клятва Гиппократа

Мишка Соловьёв грелся на солнышке, оставшись в одних семейных трусах. Он попал на этот дикий пляж случайно – проезжал мимо после посещения больной старушки в деревне Коклюшкино. «Вот интересно, – рассуждал он, лёжа на стареньком ватнике, извлечённом из недр вазовского багажника, – живет некая старушенция в проклятом богом Коклюшкине, а на деревню как раз из-за этого нездорового названия навалились все беды. Мне оставшихся здесь людишек, которым от семидесяти пяти до девяноста лет вряд ли удастся поставить на ноги. Так и будет главврач посылать меня в эту глушь, пока все не перемерут». По пляжу гуляли деревенские гуси, гадили на траву неимоверно, изредка по-своему переговариваясь, и тоже, видимо, про оставшихся в живых своих хозяев. Скорее всего, гуси уже давно ожидали одинокой старости. Где-то вдалеке залаяла собака, но эта точно была из другого селения, поселка, считавшемся на хорошем счету – под названием Божья Коровка. Он стоял рядом с автомобильной трассой, объединяющей два крупных города, и все население из Божьей Коровки ежедневно ездило работать на крупные заводы и фабрики, получали неплохую зарплату, а по выходным дням с большим удовольствием пьянствовали и пели разнообразные песни российских и европейских композиторов. Люди там жили грамотные, у каждого имелся классный мобильный телефон, по которому они с удовольствием поливали друг друга разными нецензурными словами. Обо всем этом Соловьёв знал, так как однажды и в этом поселке ему пришлось полечить одну вдовушку, правда, не совсем даже полечить. Та при приезде врача внезапно передумала болеть и дико набросилась на него со словами:

– Извини, сынок, давно уже живу одна и все болезни только от этого! Не ленись хорошо полечить, я тебе много денег дам! – а сама быстро стала раздевать их обоих сразу. Соловьёву удалось в тот раз ускользнуть и остаться девственником, а после того случая в Божью Коровку ездить наотрез отказался, вплоть до увольнения. Тогда главный врач Инга Петровна Захарова обрела его на окончательное искоренение деревни Коклюшкино.

От больницы до Коклюшкино добираться в грязь было невозможно, поэтому Михаил оставлял свою копейку у того места, до которого еще можно было вручную машину допихать, а дальше шагал ножками, распевая подслушанные в Божьей Коровке песни. Встречные гуси не одобряли заунывного пения Соловьёва, сноровистой походкой бежали впереди, помогая себе крыльями, обратно в своё Коклюшкино, отчего Соловьёву ни разу не удалось заблудиться. После окончания мединститута Михаил попал по распределению в такую занюханную больницу, что много раз подумывал с горя повеситься, но так и не решился. Этому еще помогло одно странное обстоятельство: ему удалось неожиданно вылечить старого колченогого Василия Ивановича Дрыча, участника нескольких международных войн и междеревенских схваток. Дрыч имел пятьдесят две медали за боевые заслуги, правда, ни про одну он не смог вспомнить, чем её заслужил. Орденов у него, к сожалению, не было и он частенько из-за этого горевал, даже потихоньку плакал, когда хворал на постели. Жена Праксинья была похоронена у него в саду, и, поправившись, местный Чапаев всегда приносил к надгробью полевые цветы. Чапаевым его с давних пор величали односельчане из-за имени-отчества. Михаил тоже так к нему обращался, когда прибывал по вызову. А в первые дни после приезда из института Соловьёву приходилось чаще всего приезжать по жалобам именно Василия Ивановича. После смерти жены у старика в гостях перебивали все встречающиеся в России болезни, он даже первое время их регистрировал в толстой тетрадке, потом страницы там кончились и он с этим завязал. К тому же молодой Соловьёв, используя несколько народных рецептов, переданных ему по наследству своей прабабушкой, смог поднять Чапаева на ноги. Нельзя было сказать, что теперь тот смог бы играть в футбол или исполнять прыжки с шестом, но ходить по деревне и выгуливать осата-невших от скуки гусей он вполне мог и даже с удовольствием этим занимался, одновременно

навещая хозяев гусей и сообщая в больницу, к кому пора бы уже опять наведываться. То есть Чапаев не оставлял теперь Соловьёва без работы.

Теплый ветерок обдувал тело молодого врача, лежащего голышом близ чистого заросшего камышом пруда, когда на его лицо попала чья-то тень. Михаил быстро сел на фуфайке и стал разглядывать посетившего его человека. Когда глаза «отошли» от ярких солнечных лучей, Соловьёв узнал своего однокурсника Пирогова Дмитрия. Тот стоял рядом, изучая окрестности и потрепанную копейку. На гусей Пирогов внимания не обратил. Ближе к сухой проселочной дороге блестел шикарный черный «Фольксваген».

– Привет, Мишаня! – взволнованно сказал Дмитрий. – Никак не ожидал тебя здесь встретить!

– Да, признаться, и я тебя тоже! – ответил Соловьёв, быстро напяливая дешевую одежку. – Какими, так сказать, судьбами да в наши края?

Пирогов озадаченно переводил взгляд с Михаила на копейку, на его одежду, на засрагое гусями поле.

– Так ты у Инги Захаровой работаешь? – наконец спросил он.

– Конечно! – почему-то развеселился Михаил. – И ты к нам решил переехать? Просто здорово, поможешь мою деревню Коклюшкино поднимать...

– Что за Коклюшкино? – испугался Пирогов. – Ни о каком таком Коклюшкине мы с Ингой не договаривались. Она предложила мне Божью Коровку!

Соловьёв присмотрелся к старому приятелю повнимательнее.

– А как ты вообще в наши края попал? Ведь у тебя свободный диплом был, ты, кажется, к родителям в Самару подался...

Дмитрий поморщился, вспоминая свои неприятности и нехотя ответил:

– Был когда-то свободный! Как раз в Самаре и залечил я одного фраера до смерти, теперь вот отослали в глушь... Не виноват же я был, что тот фраер, хотя по всему виду на богатого крутого смахивал, а никаких лекарств не переносил и после моего второго посещения сковырнулся! Я же ему такое импортное снадобье сыскал, что ожидал значительного поощрения за услуги, а теперь вот... – и Дмитрий огорченно махнул рукой.

Они посидели на капоте Соловьёвской копейки, помолчали. Потом Пирогов спросил:

– А Божья Коровка эта далеко находится? Долго ехать?

– Да нет, несколько километров будет отсюда. Местечко получше будет, чем мое Коклюшкино, так народ хоть с деньгами, поэтому с лекарствами проблем не бывает, аптека в поселке имеется.

У Пирогова перестало быть хмурым лицо, когда он про деньги услышал и, еще раз взглянув на полусерый от старости капот Мишкиной копейки, он предложил:

– А что если мы с тобой скорешимся и всю эту Коровку вылечим? Не задаром, конечно. Я помню твои успехи на поприще медицины, ты бы мне как помощник, сгодился бы!

– Нет-нет! – горячо отказался Соловьёв. – У меня достаточно своих пациентов, они очень ждут от меня помощи. Я же клятву Гиппократу давал!

– Клятва клятвой, – раздумчиво проговорил Пирогов, – но разве ты против побывать на Гаити? Или на средиземноморских пляжах? Ведь при правильной постановке вопроса все решаемо!

Молчком Михаил соскочил с капота, поправил рубашку, залез в машину и уже оттуда ответил бывшему другу:

– Нет, Дима! Я клятву давал! Чапаева на ноги вот поставил, а теперь, кажется, и баба Таня стала поправляться. Их в Коклюшкино-то всего семь человек осталось, года на два работы... Прощай, дружище! – он завел машину и медленно уехал с прибрежного естественного пляжа под громкий гомон гусей.

А Дмитрий Пирогов остался стоять под полуденным солнцем, долго соображая, при чём во всей этой истории оказался герой гражданской войны Василий Иванович Чапаев...

Безвыходных ситуаций не бывает

Лектор приехал в село Петушки поближе к вечеру. Был потрясающе жаркий день, поэтому народ еле собрался и все решили слушать умного человека на улице, в тени сельского клуба. Здесь было несколько рядов лавочек, где расположились жители села, а лектор находился перед ними на небольшом возвышении.

Иван Егорович оказался лысым, низеньким, от него несло махрой почти за десять метров – по ветру, конечно. Директор клуба, суетная молодайка Маша Безденежкина, еще с месяц назад обещала селянам толкового лектора, которого можно было попытаться по всяким посторонним вопросам. Обычно в Петушках это считалось интересным занятием, даже игрой: лектор тебе про одно говорит, а ты в конце лекции ему задаешь совсем не по теме вопросы, да еще так запутываешь, что, повеселившись вволю, народ с удовольствием бредет по дороге по домам, перемалывая друг с другом услышанное. Чаще всего основную тему лекции люди перед сном уже забывают.

Лектор прокашлялся и, строго посмотрев на собравшихся, заявил:

– Мы сегодня с вами рассмотрим некоторые вопросы естествознания. Вряд ли кто-то в Петушках или в соседнем поселке Кобели задумывался об устройстве вселенной, о строении солнечной системы, о планетах Марс, Венера, о гиганте Юпитере, о кометах и об астероидах.

Тихо переговаривавшиеся на задних рядах притихли. Безденежкина, сидевшая впереди, видимо не ожидавшая этой темы лекции, сначала протестующее помахала рукой, но потом успокоилась, вспомнив, что такой лектор у них в Петушках впервые.

Между тем Иван Егорович продолжал своим не в меру суровым голосом, так не подходившим его росту и синеватой лысине:

– Вселенная образовалась миллиарды лет назад во время первоначального взрыва сверхплотного вещества. Как все это произошло и почему идет расширение нашей Вселенной – об этом до сих пор спорят теоретики астрофизики. Речь идет о так называемой «космологической проблеме». Но мы вернемся к нашей части Вселенной, где расположено Солнце и планеты солнечной системы. Мы с вами живем на третьей планете от Солнца.

Дальше лектор говорил о кольцах Сатурна, состоящих из мелких обломков одного из бывших спутников, разрушенного из-за неосторожного приближения к планете-гиганту. О поясе астероидов, расположенном между орбитами Марса и Юпитера, откуда часто появляются вблизи Земли опасные куски космической материи в виде комет, метеоров, метеоритов, астероидов. Говорил он и о тех астероидах, которые то и дело приближаются к нашей родной планете и угрожают ее целостности. Он перечислил эти страшные космические объекты-убийцы, заострил внимание на том уроне, который они принесут при столкновении с Землей, когда тучи поднявшейся к небу земли и пепла будут сметать все живое на поверхности, когда жизнь исчезнет и, кто знает, повторится ли она здесь вновь. К тому же от мощного удара крупного астероида Земля вообще может треснуть пополам, либо сместятся полюса, либо еще что-то невозможное произойдет, но никто из людей уже этого не увидит. Все будет страшнее термоядерной войны!

Круто затормозив в конце лекции, Иван Егорович попросил задать вопросы тем, кто что-нибудь не понял. Но все почему-то молчали. И обычный веселый треп после лекции не получился. Только самый пожилой житель Петушков, сидевший впереди, встал и сказал упавшим голосом:

– Ну, триндец! Спасибо... Вы нас всех здорово успокоили. По крайней мере, не вижу теперь смысла ковыряться в этой земле, следить за здоровьем, за домом, садом, за скотиной. Все одно – помирать! Айда, мужики, самогонку допивать, а то не успеем...

Из жизни Сенчева

У нас здесь случай несколько забавный произошел. Здесь – это на нашем заводе. Мы пленку полиэтиленовую выпускаем: импортные машины из гранул полиэтилена наматывают на бобины пленку любой ширины, толщины и любого веса. А столоваемся мы в бытовом корпусе. Чистенько у нас на заводе, хорошо, всем нравятся порядки, установленные новыми хозяйками из одного знатного российского холдинга. И вот, значит, Юрик Сенчев из операторной спокойно так тоже работал, особо не выделялся. А что ему выделяться? Он у нас крупный мужчина, почти под сто кг, голубоглазый шатен, повязанный семейными узами, двое детей школу заканчивают. В общем, биография – как у меньшей половины мужского населения города. Большая-то половина на пенсии дома штаны зимой протирает, а летом вкалывает на своих садово-огородных участках, чтобы с голодухи дуба не дать. В этой связи вспоминается давняя история:

Однажды два француза к нам ехали и спросили у гида, что это за маленькие домики стоят в полях и что за народ вокруг суетится? Гид – русский переводчик – простодушно объяснил любопытным туристам, что люди на дачных участках выращивают себе овощи и фрукты.

– Ясно, – закивали французы, – нет денег, чтобы купить...

Гиду стало стыдно за свою страну, и он сразу отреагировал:

– Да вы не так перевод поняли. У этих людей просто хобби такое. Очень любят с землей возиться. А денег у них... ну, короче, купаются в деньжищах! – Он подумал чуток и добавил: – В основном у них, конечно, доллары, редко, кто ваши франки берет...

– А-а, хобби? Тогда понятно, – просиял один турист, – не зря говорят русские: привычка – вторая натура. У нас тоже есть хобби. Вот я золотых слоников со всех стран собираю, а мой коллега увлекается полетами, у него – свой спортивный самолет.

Сенчев наш никаким пока хобби не занимался – на работе уставал. Как на пенсию пойдет, то, конечно, работать в саду придется, ему родители несколько соток земли припасли. И вот Юрик, наш спокойный Юрик, отмочил в перерыве на обед в столовой одну вещь. Понятно, что случайно все вышло, не подумал и слетело с языка: язык мой – враг мой! Когда он попросил, как всегда, половинку тарелки борща, то новая раздатчица, похоже, сразу на него глаз положившая, этак весело между прочим говорит:

– Что-то вы, мужчина, мало кушаете... Не нравится, как мы готовим? У вас дома, видно, такая вкуснятина на столе...

– Конечно! – добродушно ответил Юрик, ставя половинку борща на поднос.

– В гости тогда к вам приду вечером. Тортик куплю...

И Юрик, даже не врубившись толком, забирая поднос, пошутил:

– Да лучше с коньяком...

И вот вечером у Семчева – звонок в дверь. Все за столом сидели – вся семья борщом ужинала. Юрик пошел открывать, жена – за ним: посмотреть, кто пришел. А пришла наша новенькая из столовой. В одной руке у нее была бутылка коньяка, а в другой – тортик!

Немая сцена... До Юрика дошло, что он влип нещадно.

– Вы, гражданка, к кому? – отеснив мужа, взяла инициативу в свои руки, его жена. – Может, к соседям?

Оторопело глядя на обоих и вдыхая доносящиеся с кухни запахи борща, молодая женщина пробормотала, как на духу:

– Так к нему я... Сам сказал: приходи с коньяком...

Бедный Сенчев смог только пролепетать:

– Я даже не знаю, как вас звать-то! Пошутил ведь я...

– Да имя-то мое Дарья! – просто ответила гостья. – Я думала, что вы знаете.

Жена Юрика каменным взглядом уставилась на мужа.

– Так! Ну-ка, все по порядку! – скомандовала она. – Зачем, подлец, ты дал наш адрес этой подруге?

– Да он не давал! – обрадовалась Даша. – Я сама у его приятелей узнала. Сказали, что холостой... Теперь я им что-нибудь в первое подсыплю – из туалета неделю не выйдут! – и она быстренько поскакала по ступенькам вниз к выходу из подъезда.

– Ты думаешь, я поверила хоть одному слову этой шлюхи? – продолжила допрос жена.

И только далеко за полночь, убедившись, что мужская сила Юрика осталась при нем, она простила ему это недоразумение!

Не носите мобильник с собой

В парикмахерскую зашел сутулый, чуть прихрамывающий мужичонка, весь заросший, будто он не стригся полгода. Женщина у кассового аппарата, вынужденная взглянуть на него, оторвавшись от пестрой книжонки, слегка вздрогнула, но виду не подала и кивнула в сторону мужского зала:

– Проходите!

Посетитель снял куртку и зашел в светлый, просторный зал, где было несколько кресел с клиентами, над головами которых трудились мастера парикмахерского искусства, превращая их в художественные произведения. Ну, в общем, обычная российская цирюльня, не отличающаяся от таковой же старого советского образца.

Заняв единственное свободное место, новичок успел бросить взгляд вокруг и оценить труд здешних работниц. Они были разного возраста, по-разному одеты и стригли таких же разных клиентов. Подошедшая розовощекая девица – как говорится: кровь с молоком! – спросила, начав заворачивать его шею лентой и накидкой:

– Как желаете?..

Нужно отметить, что голос у нее был не очень радостный. Понятно: предстояло тяжелая работа по освобождению этой головы от большой массы волос. Поэтому следующий вопрос показался хрому несколько вызывающим:

– Может, только чуть подравнять?

– Нет-нет! Молодежную, какую-нибудь. Ирокез, например, или как там называется...

Парикмахерша Евдокия от этих слов в обморок не упала, жизнь закалила ее, и не такие встряски бывали! Она начала манипулировать ножницами, электробритвой, расческой. Подруги с любопытством поглядывали на происходящее, продолжая колдовать над своими клиентами. Им было искренне жаль Дусю, сейчас Дусе явно не повезло, вокруг нее на полу слой за слоем накапливались полуседые волосы.

Пожалуй, в середине операции по приведению хромого в порядок все обратили внимание, что Дусин клиент мало того, что очень оброс, он еще и страшен, как дьявол: длинные уши, крючковатый нос, белесые глаза на выкате... Под копной нечесаных волос этого не было заметно, зато теперь появлялось наружу. Хотя костюм, да и вообще весь прикид был в целом приличен.

Дуся спешила завершить стрижку, прибраться и пожевать в сторонке банан, но в самый разгар работы загудел вызов мобильного телефона и длинноухий, отстранив голову, вытащил его из кармана:

– Да! Где? Нет, я не шляюсь, – здесь все прекратили работу, прислушиваясь, – нет, родимая, я – в парикмахерской... Стригусь... Почему тихо? А должно быть громко? – Он посмотрел на притихший зал.

Дуся нервно засмеялась. Клиент дико посмотрел на нее и стал быстро говорить в телефон:

– Машуля! Ты меня зря ругаешь, я не у шлюх! Сейчас постригусь и... Как где? В нашей парикмахерской. Здесь вокруг одни парикмахерши, приличные девочки! Зря ты их... Я сейчас попрошу кого-нибудь подтвердить, да, подожди...

Мужичонка посмотрел на ближайшую девочку Дусю и жалобно попросил, протянув мобильник:

– Подтвердите, что я у вас в парикмахерской!

Дуся почему-то испуганно отшатнулась.

– Сотню дам! – взвизгнул клиент и посмотрел на других. Никто не подходил. Из телефона явственно несло:

– Кобель! Приличные девочки!!! Опять по бабам! Через десять минут не появишься – не пушу домой!!! Слезай быстрее с этой сучки или я ей самой такую стрижку сделаю!...

Дуся быстро отодвинулась еще дальше от опасного клиента.

Неожиданно тот сорвал с себя накидку с обрезанными волосами и опрометью кинулся меж кресел к выходу. Голова его, наполовину остриженная, действительно напоминала сказочного ирокеза былых времен. Таким он и остался в памяти присутствующих навсегда.

Неожиданный Жуков

Мы всегда считали Максимку Жукова из 3-го Б немного свихнутым. То у него папа куда-то пропадает на несколько дней, то старший брат вместо армии очутился в далекой Грузии и очень долго его оттуда не могли вернуть из-за событий в Северной Осетии. С самим Максом тоже бывали непонятные истории, о которых неделями говорили в школе. Хотя он учился в параллельном классе, то есть был нашего возраста, мои одноклассники с Жуковым не дружили, а зачастую давали ему хорошего тумака. Да и как не дать тумака парню, который однажды на перемене устался в окно и простоял так все десять минут, а на уроке заявил у доски, что видел у дома напротив школы шикарный «Мерседес», из которого вышла Алла Пугачева с Галкиным и свернули в нашенький Салон красоты. И это у нас в занюханном Хрюпорекке! Не слушая учителя, все сбежали с урока смотреть на улицу и, конечно, никакого «Мерседеса» никому не посчастливилось увидеть. В нашем городе кроме двадцать раз перекрашенного «Запорожца», принадлежащего директору школы, других машин отродясь не было. Но новость разнеслась очень быстро, а Макс от своих слов не отказался, даже божился. Здесь ему и врезали по шее достаточно крепко наши Ван и Вась – крепыши, сидящие на Камчатке в моем классе. Удивило всех, что Жуков даже не обиделся, а молча стерпел. Хотя куда ему было деваться, не за папенькой же домой бежать, которого как раз тогда куда-то черти унесли, и не за старшим братом, который из Тбилиси на попутных возвращался.

Хрюпорекк наш насчитывал не более двух тысяч жителей, имел из достопримечательностей только дом престарелых, маленькую церквушку, прилегающее с севера кладбище, да нашу школу, где училось на удивление много народу. Правда, некоторые по два-три года в одном классе науки познавали, да еще с окрестных деревень детишек временами набиралось много. А когда была сильная пурга или трескучие морозы, то школа выглядела просто пустынной, по ней бродили несколько пацанов с ближайших домов и три толстые пестрые кошки из хозблока.

Я закончил учиться вместе с Максимом Жуковым и выпало нам в районном центре поступить вместе на химический завод, производящий всякие вонючие удобрения. Не очень приятная, скажу я вам, работа, но жить-то как-то надо было, что-то родителям на пропитание посылать. С ихней пенсией, которую председатель правительства постоянно и уверенно увеличивает, можно было дать хорошего дуба, а мы старались как-то своих поддерживать, хотя зарплату платили не всегда, однажды даже выдали мешками, заполненными этими погаными удобрениями. Мы долго не знали, что с ними делать, но когда запах под окном общежития сильно усилился и соседи перестали скрывать свои намерения насчет нас, я сходил к одному очень продвинутому городскому деятелю Нодару Гольдфарбу, начинающему в те дни свой малый бизнес с отходами производства. И как ни странно здесь нам с Максом крупно повезло. Деятель откопал древнего профессора из самой Москвы, который примчался, получив образцы нашей случайной зарплаты, плотно запечатанные в целлофановый пакет. Он долго и радостно ходил вокруг кучи удобрений, причем иногда как бы приплясывал. Мы взирали на удивительное зрелище из окна до тех пор, пока профессору не стало дурно и он на эту кучу упал мордой вниз. Поднялся переполох, оказывается за москвичем наблюдали не только мы, но и другие жители, а также пригласивший профессора деятель Гольдфарб. На следующий день ни нашей законной зарплаты, ни веселого профессора, ни самого Гольдфарба мы не увидели. И что самое интересное – с того дня мы их больше вообще никогда не встречали, но перед контактом с основной массой протухших удобрений профессор передал нам с Максом довольно изрядную сумму денег, которая с лихвой компенсировала все наши недомолвки с заводом удобрений. С той поры завод наш стал работать очень прибыльно и зарплату всегда выдавали своевременно.

Но рассказ мой все же не об удобрениях. Пришло время и мы переженились, получили по квартире и частенько заходили друг к другу в гости со своим горячительным и допоздна распевали на все лады песенки про президента и его окружение. Телевидение и Интернет раскрывало нам все шире глаза на обстановку в стране и бывших странах социалистического содружества. Мы, как и все наши соседи, а также работники нашего вонючего предприятия до хрипоты спорили о том, когда было жить лучше: при Сталине или при Ельцине, что хорошего и плохого привнесли в нашу жизнь Чубайс с покойным Гайдаром, спорили о том, в какой последовательности будут меняться в Кремле Путин и Медведев, оставит ли Лукашенко своего младшенького президентом Белоруссии после себя, глубже ли засадит следующий президент Украины Виктора Януковича в тюрьму, то есть переплюнет ли он действия предшественника по отношению к Тимошенко или Янукович успеет слинять в США и получит там американское гражданство. О чем мы только ни спорили в этом далеком от столицы городе. И еще мы время от времени возвращались к новым чудачествам нашего Максима Жукова. Давно закончились школьные годы, а у Макса время от времени повторялись инциденты, которые всегда были неожиданными и приводили в величайшее изумление наш районный центр.

Ярким летним утром мы вдвоем шли по центральной улице к заводу, смена была последней на этой неделе, предполагалась в субботу легкая прогулка наших семей на речку с изготовлением шашлыков и истреблением некоторого количества спиртосодержащих изделий. Короче, мы предвкушали насыщенный славными событиями следующий день, но не забывали и о том, что сегодня еще необходимо изрядно потрудиться во славу нашего городского гадюшника. Затем около часа смывать его отвратительные запахи в заводской душевой, а уже после тихой походкой пойти домой, по дороге налиться чешским пивом «Козел» и купить запасы всякой всячины для завтрашних событий. Однако, событие произошло совсем иного рода. После смены Макс исчез. Никто из ребят не смог мне подсказать, в каком направлении он испарился, и я пошел домой один весьма опечаленный. Дома Жуков появился только в двенадцатом часу ночи, причем на лбу имел приличный фонарь, а одежда была настолько грязной и местами порванной, что ни мне, ни жене Макса не хватило духу сообщить ему все, что о нем думаем. Я позвал свою супругу Клаву и мы вчетвером уселись на кухне у Жуковых, глаза наши были обращены к Максиму, но он долго молчал. Пока я не стукнул кулаком по столу и не крикнул:

– Рассказывай, в рот сики усики! А то мы сейчас покинем тебя и это будет навсегда, – надо отметить, что подобные выражения чаще всего производили на Макса желаемый эффект, он как-то терялся и раскрывался полностью. Конечно, мы ему никогда не верили, а жена Луша просто напросто принимала свои личные меры перевоспитания фантазера – мужа, например, оставляла его без вкушения радостей своего пышного тела минимум на неделю, либо заставляла Макса спать на балконе, закрыв ночью шпингалеты, отчего ему приходилось справлять малую нужду ночью непосредственно с пятого этажа, на что весь дом уже давно не удивлялся, знали люди, что хозяин верхней квартиры вновь попал в непонятную историю.

– Опять ведь не поверите! – наконец выдохнул Жуков, переводя взгляд с меня на Лушу. Всегда добрая Клава, сочувственно покивала и попросила:

– Ничего! Поверим или нет, говори, открой душу...

Ну, в общем-то ничего необыкновенного на сей раз не произошло. Просто прямо из цеха, где Макс синтезировал самые пахучие компоненты удобрений, его похитили инопланетяне. У нас на Земле это в порядке вещей, мы даже не удивились.

– Страшные были? – поинтересовался я. – Или так себе?

Макс на меня зачумленно посмотрел и промолчал. Женщины меж тем сразу начали вспоминать, когда и сколько человек уволокли инопланетяне в Америке в прошлом году и сколько удалось вернуться. Далее Макс уже более нормальным голосом рассказал, как он очутился в компании зеленых человечков в летающей тарелке, как его пытались анализировать и как ему удалось сбежать. Обычная история. Кто такое не слышал?

Вот месяцем раньше Максу удалось внезапно побывать на Кубе и встретиться с очень уже плохим Фиделем Кастро. Такое, насколько я слышал, удалось только ему одному. Фидель передал нам всем большой коммунистический привет и бутылку кубинского рома. Отсутствовал в тот день Жуков более полусуток. Луша вся извелась и то и дело прибегала к нам жаловаться на непутевого мужа и мы ее каждый раз утешали. Поэтому во время появления мужа Луша уже ничему не удивлялась, поскольку была изрядно навеселе. На следующий день мы вчетвером искушали ром Фиделя и все помирились.

А еще годом раньше наш неповторимый приятель побывал на Совете Федерации, когда его вела Матвиенко. От впечатлений того дня Макс был вынужден взять больничный и очень долго переживал за будущее России. Чем его там перепугали – только богу известно, нам он пересказать побоялся. Интересно, что некоторые его вояжи заканчивались совсем неожиданно, хотя непонятно, каким образом он мог повлиять на события в стране и в мире. Так после одного исчезновения Жукова был отправлен в отставку губернатор нашего края и через неделю на него завели уголовное дело за крупную взятку (ну сейчас это с губернаторами в порядке вещей, удивляться тоже нечему!), а в другой раз также неожиданно помер олигарх Березовский. Я даже вел специальную тетрадку, где отмечал хождения нашего героя и проводил аналогии с параллельными событиями. Совершенно мне непонятно, повлияла ли отлучка Макса в дни кризиса на Корейском полуострове. Был – по его словам, конечно, – Макс на приеме у японского императора, который явно испугался желания северокорейского лидера сбросить ядерную бомбу на Токио. Однако, после возвращения Жукова к своим удобствам, корейцы в Пхеньяне занялись срочной подготовкой к посевной, побросав оружие.

Самое страшное испытание выпало на нашу долю в последние дни, потому что Максим Жуков после дневного исчезновения два дня назад признался, что встречался с потомками марсиан на Луне в каком-то кратере миллионы лет погасшего вулкана, и они ему показали на атласе Солнечной системы необозначенный пока земными астрономами астероид диаметром пятьдесят пять километров, который летит по орбите, пересекающей с орбитой нашей голубой планеты, к которой я как-то уже очень привык...

Вы Онищенко знаете?

Ровно в семнадцать я вышел из кабинета. Как и положено вышел – в это время на предприятии заканчивается рабочий день. Обычно позже меня уже никто не задерживается, так что иду до проходной один, сажусь в свою двенашку и дую до дома. Это – обычно. Но не сегодня...

Сейчас много расплодилось собак. Да и кошек тоже. Это говорит о терпимости жителей города, завода, об их любви к братьям нашим меньшим. Подкармливают собак, приносят пищу из дома, из столовой. Собаки бегут за людьми, надеясь еще пожевать – в прок.

Вышел я из административного корпуса, слышу собачьи визги. Кто же вас так пытается, думаю. Заворачиваю к асфальтовой дорожке, ведущей между корпусами цехов завода к проходной, вижу – разбегаются собаки от ближайшего сварочного поста, десятка два примерно. Разбежались и почему-то сразу успокоились. На меня выжидательно так смотрят. Ну, как люди почти. И только одна светлая тварь, вижу, зацепилась правой передней лапкой за кусок металлолома и стонет, оторваться не может, полувисит, как на дыбе. Чувствует свое незавидное положение и готовится к самому худшему – к голодной смерти. Сородичи погавкали рядом, да и разбежались, помочь не в состоянии, да и поесть, ведь, не смогут принести! Жалко собачку мне стало, видно было, как мучается она от боли. Никого вокруг уже нет, по домам рабочий люд уже разошелся, пришлось без свидетелей одному помощь оказывать.

Подхожу потихоньку к пострадавшей. Она поняла, что помочь хочу, перестала стонать и тихо ждала меня, оглядывая печальными собачьими глазами. Было животное небольшим, может, пять – шесть кг, не больше. Быстро приподнял ее, одновременно выдирая лапу из защемления между железяками и отбрасывая собачку от себя в сторону. Конечно, она, подлая, ухитрилась куснуть меня на прощание в левую руку. Наверное, машинально получилось, реакция у нее такая на боль. Прокусила ладонь не сильно, но чувствительно, из ранки сразу побежала кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.